

Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 22 января 2020 г.

Текст: Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 38–53.

- *Ballata dell'amore vero*
- *Give me Jesus*

Слава...

Когда человек, как мы только что слышали, поет: «Можете взять весь мир, но дайте мне Иисуса», – у него что, не все в порядке? Он вбил себе это в голову? Какой опыт должен был пережить автор песни, чтобы прийти до такого сознания: можно держать в руках весь мир, но без Иисуса и этого было бы мало для жизни! «Утром, когда я встаю, дайте мне Иисуса». Как нам прийти до такого самосознания, как научиться вставать по утрам, с удивлением замечая в себе такую мысль? Ответ очевиден: в нашей жизни должно происходить что-то, благодаря чему Присутствие становится нам очень близким – настолько, чтобы порождать наше «я» и чтобы мы, просыпаясь по утрам, уже не могли не думать о Нем. Для этого недостаточно «говорить» о христианстве как о событии, сводя его к отвлеченному понятию (мы нередко можем впасть в такое искушение). Необходимо на опыте переживать христианство как событие. Так случается с влюбленным человеком: он переживает опыт, который охватывает всю жизнь! Мы читали об этом в книге школы общины: «Чтобы Его poznali, Бог [Тайна], вошел в человеческую жизнь... под видом человека, так что мысль, воображение и чувство человека были Им как бы прикованы, притянуты, словно магнитом. <...> Эта встреча неизменно структурирует нашу жизнь, придает ей смысл. Кроме нее в жизни нет иной возможности осознавать новизну» (Ср. С. 33–34). Речь о «притягательной инаковости». Отвлеченные понятия не притягивают так, как любимый человек. Понятие «любовь» не притягивает так, как любимый человек!

Чтобы действительно понять то, о чем мы будем говорить сегодня (как возникает вера и почему она является частью христианского события), должно произойти событие Христа, а иначе вера – лишь некий внешний довесок, она не рождается из наших глубин как ответ на событие. Джуссани говорит о «столкновении со стойким отличием» и о «притягательной инаковости». В связи с этим прочитала письмо одной женщины, которая живет далеко и не смогла приехать сегодня вечером: «В последний год, мы с мужем, как это случается со всеми отцами и матерями, ощутили своего рода головокружение, глядя на наших детей, особенно на то, как старший переживает переход от школы к университету, на их друзей и т. д. [это довольно непросто]. На днях утром я пришла в школу поздно, и мой сын мне сказал: „Я наконец понял: вопрос не в том, чтобы делать одно или другое, вопрос в том, как ты это делаешь. Ты, например, настолько уверенный человек, что способна делать вещи, которые обычно приводят в замешательство“. [Это нужно увидеть, не то что мама ему об этом рассказывает.] Тут я подумала обо всех потерянных носках [обо всем, в чем она ошиблась], о том, как плохо я готовлю по воскресеньям, когда хочу сделать что-нибудь эдакое, о том, что я занимаюсь миллионом дел, помимо школы общины и GS. И тут он говорит мне так, и меня это поражает. В чем я уверена? Какую уверенность выражает мой образ жизни? Речь, конечно, не о словах [не об общих понятиях]. Когда мы с сыном говорим и я начинаю разглагольствовать, он тут же меня останавливает [нужно благодарить Бога за такого сына!]. Я являюсь отношением. И я уверена в отношении, которое очевидным образом освобождает меня от чьего-то одобрения или от смущения перед кем-либо. Я поняла, что моя единственная настоящая ответственность – не тревожиться о сыне, а жить тем, что делает меня свободной, жить верой во всех обстоятельствах, ничего не вычеркивая [вот благо матери в отношении сына: переживать все,

исходя из веры и ничего не вычеркивая]. На него больше влияет тот факт, что я довольна, чем все мои тревоги. А жить верой нужно в отношении с авторитетом, то есть я в свою очередь должна следовать за кем-то, чей образ жизни выявляет то, что соответствует сердцу сейчас, в этом мире, со всеми вопросами, которые открывают передо мной обстоятельства. [Это отцовство, о котором говорилось в лекции Дня начала года.] В связи с этим хотела поблагодарить тебя за твое письмо Братству от 2 января. В сравнении с менталитетом, к которому я привыкла в школе и согласно которому бдительность часто продиктована скорее страхом, нежели воспитательной ответственностью, твой взгляд на конкретную ситуацию, которую мы переживаем, вновь собирает „я“ воедино. Иными словами, обстоятельство, принятое как не второстепенное, а главное условие проверки веры, приучает нас к истинному взгляду, подталкивающему тебя в свободное и по-настоящему человеческое отношение, в результате чего ты заново обретаешь уверенность в том, что без Христа мы ничего не можем, но с Ним... все наше!»

В тексте школы общины говорится: «Нас поражают и трогают именно люди, лица с их идентичностью, которая кажется более подлинной, более соответствующей сердцу, не зависящей от... сплетения обстоятельств, составляющих общественный климат, которому покровительствует власть и подчиняются все» (С. 35). Кажется, это ничто, а на самом деле всё. Почему? Потому что, как свидетельствует наша подруга, она, будучи погруженной в самые обычные дела (материнство, походы в школу, обстоятельства, вызовы), переживает все иным образом, настолько, что даже ее сын замечает в ней «качественную разницу». Чтобы проверить, довелось ли нам испытать христианство как событие, достаточно спросить себя: уходили ли мы когда-нибудь пораженными качественной разницей, которую мы уловили в событии, во встрече, в человеке? Сколько раз мы говорили о событии? Множество! Но кто из нас заметил, что ушел под впечатлением от произошедшей встречи? Тут статистические данные идут на спад. О событии как о понятии говорить могут все, но поражаться происходящему – совсем другое дело. Будьте, однако, осторожны: мы поражаемся не потому, что случается нечто невероятное: «Человек, с которым мы сталкиваемся, становится „встречей“, если оказывается, что у него „отличный от нашего“ – и это отличие притягательно – подход к повседневным вещам. Иными словами, то, как он говорит, ест, пьет, делает очевидной и предлагает нам качественную разницу, так что мы уходим пораженными, потому что в еде и питье есть абсолютный смысл и слова, сказанные в шутку, имеют непреходящую ценность». Отец Джуссани добавляет: «Какое глубокое впечатление, должно быть производил Христос на тех, кто видел и слышал Его!» (Ср. С. 35). И это было возможно не только в отношении с Иисусом во время Его земного существования, после Иисуса ничего не закончилось. Некоторые факты по-прежнему поражают нас точно таким же образом.

Двадцать третьего декабря младшему из наших троих детей исполнилось восемнадцать, и по этому случаю он устроил праздник в ресторане рядом с домом, пригласив на него человек пятьдесят друзей из школы и GS. Мы с женой пришли ближе к концу вечера, чтобы съесть торт и поднять тост. В какой-то момент ребята стали петь песни, «нетипичные» для их возраста, под гитару, на которой играл один из друзей. Вскоре некоторые из них вышли на маленькую площадь перед рестораном и запели альпийские песни. Для меня все это было прекрасно, но нормально...

Привычно.

«Привычно», да. Я много раз слышал, как они поют. За одним из столиков ужинала группа посторонних людей, которые оказались невольно вовлечены в празднование. Вдруг один из них, а за ним и другие, подошел ко мне с ошарашенным лицом и взволнованным голосом сказал: «Я никогда не видел ничего подобного!»

Чувствуете разницу?

«Не видел, чтобы молодые люди были вместе так. Что вы, родители, делали? Я бы очень хотел, чтобы и мои дети жили так!»

Ты поучаствовал в каком-то специальном тренинге, чтобы стать таким родителем?

Никак нет.

Ты посещал теоретические курсы о привязанности, родительской психологии и подобным вещам, как делают сегодня многие люди? Откуда взялась эта инаковость?

Для меня было потрясением услышать такие слова от незнакомца! Я ответил, что мы не делали ровным счетом ничего, и в какую-то долю секунды ощутил в сердце безмерную взволнованность. Я прямо почувствовал, как присутствие Другого властно явило себя и придало смысл празднику, который до этого был просто «красивым», а затем стал всеобъемлющей встречей со Христом в тот конкретный момент. Люди, не знавшие ничего, «вернули зрение» человеку, как я, который думал, будто уже все знает. Удивительно! Я сказал жене: «Подумай, если бы отец Джуссани не сказал да Христу, этот вечер не случился бы, никто не приобщился к этому образу жизни, рождающему изумление и зависть». Спасибо и тебе за твое «да», которое каждый день помогает нам на все смотреть с большей истиной во взгляде!

Поразительно: должны прийти «язычники», как написано в Евангелии, чтобы мы осознали то, чего уже больше не видим (из-за привычки все стало «нормальным», уже виденным, обычным). Праздник... Мы провели тысячи праздников, но в большинстве случаев праздник для нас не является возможностью заметить, уловить, как происходит событие. На празднике должен быть кто-то, кто скажет тебе: «Я никогда не видел ничего подобного!» – и тем самым невольно повторит через две тысячи лет после Иисуса евангельскую фразу, которую говорили о Нем. Если мы внимательны к происходящему, то по-настоящему поймем название пункта, который рассмотрим сейчас: «Вера есть часть христианского события» (С. 38). Почему? Потому что, будучи, словно магнитом, притянуты, привлечены, поражены, изумлены, мы можем дойти до признания инаковости (как это случилось с человеком из предыдущего выступления) и сказать (как сказал ты), что подобный праздник не состоялся бы без Христа. Вера не рождается от кропотливой работы разума. Память о Христе возникла в тебе не благодаря походу в храм, молитве или ритуальному омовению, она возникла на дне рождения. Во времена Иисуса то же самое могло произойти на свадьбе, на сикоморе, по дороге, на оживленной улице. Событие происходит непредвиденным образом, в силу исключительности, открывающей нам божественное присутствие. И если бы тот незнакомый человек, который подошел к тебе, столкнулся бы с Иисусом, он сказал бы (но не так, как когда цитируют чужие фразы), что никогда не ушел бы от Него. Часто ли в этом месяце нам не хотелось уходить от кого-то, с кем мы встретились? Итак, вначале есть факт, опыт факта, и только потом мы понимаем, почему вера – часть события, ведь, не участвуя в христианском событии, мы не в состоянии распознать его. Теперь проясняется определение: «Позиция того, кого потрясло событие христианства, кто его признает и прилепляется к нему, называется верой» (С. 38).

Мы с друзьями поехали на несколько дней учиться вместе, и один разговор очень меня поразил. Друг рассказал мне, что его брат – атеист. Он сам, встретив Движение в университете, пытался донести и до брата, жизнь, с которой столкнулся. Так получилось, что, когда они вернулись домой на рождественские каникулы, брат сказал, что хотел бы пойти на мессу. Наш

друг спросил: «С чего это вдруг? Что с тобой случилось?» И тот ответил: «Я послушал одного священника в университете, и у меня возникло желание сходить». А потом добавил: «Что такое движение „Общение и освобождение“?» Меня это поразило, потому что мой друг пояснял: «Я начал рассказ с высоких материй: харизма отца Джуссани, школа общины... Пока я так говорил, мы оба ничего не понимали».

Видите, как мы возвращаемся к отвлеченным понятиям? Бог что-то совершает, а мы все переводим в абстракцию, объясняем на уровне понятий!

Вот именно, в какой-то момент брат сказал: «Слушай, я не понимаю ничего из твоих слов...»

Слава богу, он ему об этом сказал!

«Но я видел тебя и твоих друзей, когда вы пришли к нам домой на завтрак».

Не нужно разъяснять понятие «событие», брат увидел нечто ни на что не похожее в том, как люди завтракали.

И я вспомнил тот завтрак: мы всю ночь были в дороге, потому что ехали на каникулы, домой добрались мертвые, утомленные долгим путешествием, и не могли двух слов связать. Мы не были на высоте или в расцвете сил, и все же он увидел в нас новую жизнь. При дальнейшем обсуждении мы пришли к мысли о том, как, с одной стороны, драматично желание, чтобы брат, друг, дорогой сердцу человек мог встретить то, с чем встретился я, я желаю, чтобы другой человек встретил Иисуса. С другой же стороны, какое освобождение – знать, что не я это делаю, но Бог использует меня, это происходит при моем участии, но не благодаря мне, не благодаря моим способностям. В дни учебы, которые мы провели вместе, меня это по-настоящему освобождало в отношениях и позволило мне вновь обрести благодать, полученную во встрече.

Ты говорил о желании передать другим то, что сам встретил. Чему ты научился из описанного эпизода? Как передается христианство?

Если я думаю...

Держись того, о чем ты рассказал, не добавляй ничего, потому что ошибешься!

Передается не объяснение, а дружба, реальная жизнь.

«Реальная жизнь». Мы передаем христианство, когда живем, едим, пьем, завтракаем в полусонном состоянии. Больше всего вы удивились тому, что того парня поразило что-то, пока вы были как зомби. Даже в такие моменты может передаться что-то, поскольку Христу в этом смысле неважно наше самочувствие. Вопрос только в том, погружены ли мы в порождающий нас опыт настолько, что в один прекрасный момент, буквально помимо нашей воли, людям начинает передаваться новизна. Других достигают не наши блестящие результаты, а инаковость, которая, как мы видим и как говорится в тексте, отличается от наших представлений, от наших стратегий, но в то же время «удивительным образом отвечает глубинным ожиданиям нашей личности» (С. 38). Вызов для нас именно в том, что это что-то по-настоящему отличное от наших представлений, сообщаемое совершенно иным, не похожим на наши представления способом. Что нужно, чтобы быть открытыми перед такой инаковостью? Самое простое: искренность. Не требуются невероятные усилия или стратегии,

нужно только позволить происходящему поражать нас, «иметь достаточно искренности, чтобы признать это Присутствие, достаточно простоты, чтобы его принять, достаточно любви, чтобы пойти за ним, – это и есть вера» (С. 39). Удивительно, что отец Джуссани, описывая веру, говорит о такой простой вещи, как искренность.

В прошлую субботу один друг из Братства устроил праздник по случаю своего пятидесятилетия. Он пригласил всех друзей, которые в течение многих лет были рядом. В конечном итоге нас собралось очень много, человек сто пятьдесят. Кто-то приготовил вкуснейшую еду, кто-то, как я, позаботился о том, чтобы мы спели любимые песни именинника. Наконец, кто-то обеспечил праздник богатой коллекцией превосходных вин и, рассказывая об их отличительных чертах, постоянно наливал их гостям. Среди приглашенных был один мой дорогой друг, с которым мы буквально выросли вместе, но который по крайней мере десять лет назад ушел из Движения и кроме того из-за работы живет в другом городе. Причины, вынудившие его отдалиться от нашего опыта, были вызваны в основном ссорами и непониманием в общине, так никогда и не разрешенными. В те редкие разы, когда мы с ним виделись, я ощущал, казалось бы, непреодолимый разрыв. Праздник прошел далеко не так, как мы предполагали. Я был несколько разочарован и в тот вечер, а также на следующее утро думал о моем друге, который специально приехал издалека. Что он увидел во время и после ужина? Что-то «не на уровне» нашего опыта! Неожиданно рано утром два дня спустя он позвонил мне, поскольку хотел выразить глубокую благодарность за тот вечер. Он сказал, что все эти годы постоянно искал повсюду место или друзей, соответствовавших его желанию полноты, и ничего не мог поделать: только проведя с нами тот вечер он столкнулся с очевидным и полным отличием, сквозившим в каждом действии! За столом, в пении, в том, как подавались тарелки, как смотрели на него, как его вновь приняли после долгих лет. Поэтому в конце он сказал: «Мне нужно быть с вами, я рад начать заново, мне бы не хотелось когда-либо потерять некоторые отношения. Не знаю, связан ли со всем этим Христос, но думаю, что точно связан!» Я был ошеломлен! В тот вечер, продуманный и начавшийся с лучшими намерениями, но впоследствии, на мой взгляд, пошедший криво по разным причинам и оставивший во мне чувство горечи, для моего друга вновь произошло Событие! В наших более или менее неуклюжих усилиях для него открылась Благодать, а теперь, когда он мне обо всем рассказал, она открылась и для меня! Благодать, которая чтобы совершиться, задействует все, даже наши убогие попытки. Нужен лишь нуждающийся и открытый взгляд, чтобы ее увидеть.

Наши неуклюжие усилия... По большому счету ничего другого мы и не умеем, кроме как предпринимать неуклюжие усилия, но именно их и использует Тайна, чтобы доносить до других инаковость. Мы сделали все возможное, чтобы организовать прекрасный праздник, который, как потом нам кажется, не удался. И человек, который мог бы стать скептиком из-за прошлых разочарований (речь не о ничего не знающем новичке, чистом, неомраченном, а о том, кто из-за всего пережитого оброс броней), как раз в силу своей раны видит то, чего мы уже не видим. Блудный сын видит то, чего уже не видит старший; история повторяется! И он в конце концов говорит: «Не знаю, связан ли со всем этим Христос, но думаю, что точно связан!» Как видите, вера, признание Христа, проистекает из опыта, даже на фоне неуклюжих усилий. История, о которой ты рассказал, могла случиться только благодаря чему-то иному. Однако порой место искренности (доступной каждому, даже тому, кто ушел много лет назад, поскольку тут не нужна какая-то особая предрасположенность) в повседневной жизни занимает нечто постороннее, мешающее просто смотреть на вещи.

Именно это меня и поразило. Читая текст школы общины, я заметил, что отец Джуссани, говоря о вере как о событии, которое вовлекает тебя, целых шесть раз использует на одной

странице слово «постороннее», утверждая, что мы привносим факторы, не имеющие отношения к событию и ведущие к потере контакта с реальностью. Тогда я спросил себя, почему он так настаивает, зачем так много раз повторяет одно и то же слово? Взглянув на собственную жизнь, я понял, что это правда, я ежечасно примешиваю что-то постороннее. Мне в голову пришли примеры: когда я вношу посторонние факторы в наиболее истинные отношения, они разрушаются; когда утром я думаю о предстоящем дне и не отталкиваюсь от происходящего, от того, что меня поражает, жизнь усложняется; когда я встречаюсь с новыми людьми и ограничиваю их лишь тем, что у меня в голове, я сразу же теряю их. Тогда я сказал: «Прав отец Джуссани, я постоянно вношу в жизнь посторонние факторы». Но они не исчезают словно по волшебству, стоит мне признать это...

Они не исчезают от одного лишь осознания.

Именно. В том числе и потому, что я вижу их все. И тогда я понял, что серьезный вопрос для меня заключается в другом, не в анализе этих факторов. Я в Движении давно, но этого недостаточно, чтобы сегодня побеждать посторонние факторы.

И хорошо, ведь так ты по крайней мере освобождаешься от морализма.

Ну да, хотя бы это!

К сожалению, многие до сих пор живут в заблуждении и считают, будто могут все решить своими силами.

Точно. Я понял, что боюсь своих усилий, так же, как порой не доверяю авторитету, так же, как порой мои идеи кажутся мне лучше, чем идеи других, но проблема не в этом.

Нас уже двое, кто так думает!

Проблема в том, соглашаюсь ли я работать над тем, что Он принес в мою жизнь. Вот в чем мой серьезный вопрос.

О какой работе речь?

О серьезном отношении к тому, что Он принес в мою жизнь и что сильнее посторонних факторов, моей непоследовательности или неспособности. Значит, и для меня есть место, даже если я нехороший, если я грешник, и для меня всегда есть шанс, но я должен работать над тем, что Он принес в мою жизнь.

Кто-то проделал такую работу? Кто-то удивился, увидев, как Христос побеждает, даже когда мы вносим посторонние факторы в наш опыт?

На школе общины одна из нас, мама нашего тяжело больного друга, рассказала, что во время каникул неожиданно умер ее брат. Через несколько дней так же неожиданно ее сына выписали из больницы. Обе ситуации (тяжелую и радостную) она пережила одним и тем же образом, как призыв, и оттого была благодарна. Подруга, которая вела школу общины не остановилась на этом и спросила: «Почему, когда умер твой брат, ты не упрекала Господа?» Она ответила: «Я не могла Его упрекать, поскольку опыт, который я переживаю в последние месяцы с сыном, учит меня, что нам ничто не принадлежит и что для всех есть благой замысел. Не думая об этом, я бы не смогла смотреть на вещи». Я приехала на ту школу общины с открытой раной

(с посторонним фактором), причину которой видела в одном болезненном для меня факте, а слова нашей подруги давали мне ключ к тому, чтобы взглянуть ситуации в лицо, совсем не такой ключ, как я себе представляла. И вместе с тем, они придавали обезоруживающую конкретность страницам школы общины (седьмому пункту), которые я читала и которые до этого оставались как бы «немыми».

Это крайне важно с точки зрения метода, а иначе мы усложняем жизнь, когда пытаемся понять слова школы общины отвлеченно, впустую гоняя их в голове, вместо того чтобы исходить из фактов, которые облегчают понимание текста.

Благодаря ее выступлению, мне стало ясно, почему Джуссани так настаивает на необходимости «простой и искренней» позиции перед событием, в которую не примешивается ничего «постороннего во взаимоотношении с реальностью» и которая позволяет смотреть на вещи просто. Мне было полезно услышать мою подругу, потому что часто перед происходящим фактом, особенно, если он для меня в той или иной мере конфликтный или неприятный, мне кажется, будто проблема в нем. В результате я злюсь на факты. То же, о чем говорила она, позволило мне понять: проблема не в факте (в ее случае это смерть брата – очень серьезное событие) а в том, что факт говорит о моей позиции. «Положение, в котором мы оказываемся перед событием Христа, тождественно положению Закхея... или вдовы» (ср. С. 38). Именно перед лицом происходящего факта я понимаю, какова моя позиция. И на чем она основана? На опыте любви. Джуссани пишет: «Чтобы познавать нужна открытость, то есть „любовь“. Без любви нет познания» (ср. С. 40). Я подумала о себе: откуда рождается моя позиция перед тем, чего я не понимаю, что причиняет мне боль, что заставляет страдать?

Каждый должен спросить себя о том же, поскольку с таким вопросом ты можешь начинать диалог со всеми.

Моя позиция основана (или нет) на предшествующем опыте любви, то есть на суждении. Итак, я занимаю исходную позицию, основанную (или не основанную) на опыте, который переживаю, на суждении о той Любви, о том Благе, что охватили мою жизнь. И когда я не учитываю Его, возникают злоба, жалобы, обиды, притупляющие мой взгляд и мешающие мне (в буквальном смысле) быть. Когда я вновь поняла, что содержание моей жизни опирается на суждение, играющее важную роль в любой детали жизни, мне открылся непредставимый ранее горизонт. Выступление моей подруги было для меня фундаментальным. Прежде всего я освободилась от того, что ранило меня на протяжении долгого времени, поскольку тут же смогла взглянуть этим обстоятельствам в лицо и вынести о них суждение. Также это позволило мне начать смотреть на факты, случающиеся со мной, факты любого рода, и видеть в них не проблемы, которые нужно решить, а союзников, которые оказывают мне «услугу» – напоминают о той позиции, какую я утратила, о Любви, охватившей мою жизнь.

Это важнейший момент: проблема не в том, что происходит, а в нашей позиции относительно происходящего. Если мы не в правильной позиции, то и не понимаем, как говорится в школе общины. «Только при открытости предмету, которая перерастает в любовь, этот предмет входит в нас таким, какой он есть (лат. *affici* – быть затронутым чем-то)». Почему это так важно? Потому что «очи разума видят, если их поддерживает любовь, которая есть выражение свободы» (С. 41). Поразительно: мы можем видеть реальность подлинным образом, только когда настолько охвачены привязанностью, что она распаивает наш взгляд и мы уже не смотрим на все через узкую щель. Если нам не удастся открыть глаза и увидеть реальность, то в попытках выйти из ситуаций, причиняющих боль, мы превращаем христианство в титанические усилия. Достаточно было бы распаивать взгляд, и все изменилось бы, потому

что проявилась бы природа христианства: «Вера – часть события христианства, потому что она – часть благодати, которую являет событие» (С. 41). Без события невозможно смотреть распахнутым взглядом на всю реальность. Мы убедились в этом на опыте. Когда человек влюбляется, присутствие любимого человека открывает ему глаза на все. Подобным образом присутствие вас, родителей, распахивает взгляд вашего ребенка, и все становится иным. Вот ценность происходящего факта: событие, говорит Джуссани, «превозносит и познавательную способность сознания, сообразует пронизательность человеческого взгляда с исключительной реальностью, которая его вызывает» (Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. С. 119). Таким образом, человек уже не может свести ее до собственной меры. Именно так Христос побеждает в нас. «Это благодать веры» (Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 134). Обладать такой открытостью – благодать. Вера делает меня зрячим. Все просто: брат-атеист видит нечто иное за завтраком; друг, ушедший из Движения много лет назад, замечает инаковость праздника и признает, что она связана со Христом. Не требуются особые способности, нужно только (и в этом состоит наша работа) в простоте прилепиться к происходящему, не подменяя его стратегиями, которые суть выражение нашего морализма. Речь о том, чтобы просто просить, потому что так вера достигает своей вершины по ту сторону разума: «Вера цветет на последнем пределе движения разума, подобная цветку благодати, к которому человек прирастает своей свободой» (С. 43). Все эти фразы будут для нас китайской грамотой, мы пойдем дальше, нисколько не разобравшись в их смысле, если не отталкиваемся от опыта.

Так как же распускается цветок благодати – вера?

Меня сразу же поразил пункт школы общины о просьбе: «Просьба рождается перед лицом Присутствия, иначе это неразумная просьба». Я подумала об одном случае, произошедшем незадолго до Рождества с одним моим другом. Я познакомилась с ним в университете, он был однокурсником, мы вместе готовились к экзаменам (часто в аудитории Движения). Он заметил, что в этой аудитории висело много плакатов (то тут, то там на стенах встречались христианские фразы), и спросил меня, что все это такое. Мы сдружились, и однажды я пригласила его на упражнения. Он приехал, я представила ему моих друзей, и его все очень поразило. Потом, после университета, был период, когда из-за разных дел мы не слишком часто пересекались. Незадолго до Рождества он начал забрасывать меня сообщениями с просьбой увидеться. Он писал: «Я должен рассказать тебе одну абсурдную вещь, о которой я ни с кем не говорил; я ждал тебя, чтобы узнать твое мнение». При встрече он рассказал об одной его хорошей знакомой, которая попыталась покончить с собой. Наш разговор переключился на вопрос о том, что способно выстоять в жизни. Мы пообсуждали его немного, и вдруг он мне говорит: «Я знаю лишь одно: как только я узнал об этом, сразу вспомнил о тебе и о компании Движения, мне хотелось бы, чтобы вы с ней познакомились». Что значит, что просьба возникает только перед лицом Присутствия, а иначе она неразумна? Значит, что в силу всего увиденного и пережитого со мной и моими друзьями этот вопрос о смысле произошедшего, о том, что выдерживает под напором обстоятельств, мой друг мог задать лишь мне, он ждал, чтобы задать его мне: не потому, что я выдающаяся личность, но из-за Присутствия, которое он разглядел во мне и в людях из Движения, Присутствия, которое, как он явно понимает, связано с его нуждой. Вторая вещь, поразившая меня, это то, что случай с другом заставил меня думать о том, в чем мое спасение сегодня. Когда он сказал мне: «Я вспомнил о тебе и о компании Движения», я инстинктивно ответила ему: «На самом деле даже не я и не компания Движения в состоянии спасти ее». Я заметила в себе суждение, которое становится все более уверенным: исключительными компанию, меня, отношения, все обстоятельства делают не вещи сами по себе, а возможность в рамках всего этого сказать «Ты». Без этого «Ты» даже Движение было бы в конечном итоге грандиозным блефом, чем-то, что, без сомнения, позволяет тебе ощущать человеческое тепло, но не несет ничего нового

и, уж конечно, не спасает тебя. Нужно дойти до того, чтобы произнести это «Ты», а иначе я понимаю, что все лишается содержания: вещи, встречи исчезают бесследно. Вот что такое для меня память: я сегодня во встрече с другом, в событиях, которые со мной происходят, могу признавать это «Ты», Того, Кто родился две тысячи лет назад и живет по сей день.

Динамика разума, если человек честен по отношению к тому, что испытывает, в конечном итоге доходит, не может не дойти, как говоришь ты, до «Ты». «Нужно дойти до того, чтобы произнести это «Ты», а иначе все лишается содержания: вещи, встречи исчезают бесследно». Это как если бы маленький ребенок никогда не произносил бы слово «мама», видя все, что делает для него эта женщина. Он говорит так, поскольку связывает все происходящее с ним, все, что делает эта женщина, с ее присутствием. Вещи, которые она делает, стираются, но остается ее присутствие, и именно к нему ребенок привязывается все больше. Если все происходящее не укрепляет в нас близость с «Ты», если мы не добираемся до него, то ничего не остается, все исчезает. Нужно отдавать себе в этом отчет.

Директор нашей школы (а она из Движения) пытается разобраться с нами три предпосылки «Религиозного чувства». Недавно состоялся педсовет, на котором мы говорили о первой предпосылке. Мне стыдно было говорить что-либо. Пришла директор, стала задавать нам вопросы, и у нее было прекрасное лицо, полное благодарности, благодарное за встречу со Христом в ее жизни. Когда я ее увидела такой, мое сердце начало бешено колотиться, как когда мне есть что сказать и не сказать это глупо. Сразу после нее я рассказала о том, что случилось со мной накануне во время занятия, и так началось обсуждение с моими коллегами. Это был обыкновенный разговор, но я наконец-то «присутствовала» и была самой собой. Меня поразила неожиданная свобода, которую я вдруг ощутила в себе и которая позволила мне о себе рассказать, хотя все утро я пряталась. Это стало возможным только потому, что я увидела директора. Ее измененное лицо меняло и мое лицо, то, как она осознала свою историю, помогло и мне осознать мою. Поразительней всего было то, что в последующие часы я словно вычеркнула этот факт, как делаю почти всегда. Я буквально обошла его стороной. Вечером одна подруга написала мне, чтобы рассказать о том, какую работу она проделала в своем классе. Я прочитала ее письмо несколько часов спустя, поскольку у меня было много дел и в любом случае мне казалось, что оно никак со мной не связано. Она даже послала мне сообщение, настаивая: «Прочитай». Я прочитала. В письме говорилось о «Хоббите» и о двух позициях Бильбо Бэггинса: перед лицом реальности и перед лицом его мыслей. Закончив читать, я тут же ответила: «Именно это случилось со мной сегодня!» Я рассказала подруге обо всем и в процессе осознала, что же со мной произошло. И вот что самое поразительное: Ты, Иисусе, не только приходишь, когда я жалкая, когда я прячусь, но и даруешь мне благодать заметить, что Ты пришел, потому что я обычно «прохожу мимо» Тебя.

Это благодать, благодать, которую дает Он, а иначе мы идем дальше, ничего не замечая. И встреча, описанная нашей подругой, – только начало пути. Кто-то увидел в себе это начало?

В день продажи «Трачче» мы организовали смены, чтобы распространять журнал на факультете. Когда моя смена закончилась, я пошла на лекцию и положила номер «Трачче» на парту, поскольку спешила и у меня все вещи были в руках. Внезапно парень, сидевший рядом, заинтересовался темой и спросил, может ли он посмотреть журнал. Я подумала: «Он не знает про Движение, это хорошо, ведь, заметив, что это христианский журнал, он его выбросит». Через несколько дней мы снова встретились и он захотел поговорить. Он рассказал мне о своем пути веры (он из Африки, был протестантом, стал скептиком, а теперь признает, благодаря некоторым фактам, что Бог действует в его жизни) и задал сложные вопросы, возникшие у него при чтении лекции Дня начала года, которую он с точностью пересказал мне, тогда как я даже

не помнила, о чем там речь. Он был рад, что мог с кем-то поговорить об этом и идти вперед вместе. Меня это растрогало. Мои усилия были равны нулю; я не хотела продавать ему «Трачче», но наша встреча стала чистой воды благодатью. Наш диалог продолжился в следующие месяцы. Искренность и простота, с которой он задает вопросы, поражают меня. Я решила познакомить его с кем-нибудь из общины, и на прошлой неделе мы пообедали с ним и одним моим другом. Этот обед тоже был потрясающим из-за простоты, с которой он задавал вопросы и был готов слушать о моем опыте и опыте моего друга. В какой-то момент он спросил: «Как вам удастся верить? Почему вы христиане?» Тогда мы рассказали ему о нашем опыте и о произошедшей с нами встрече. Меня это поражает, потому что я поняла: действительно прежде всего должна случиться благодать. Событие произвожу не я, это Другой появляется и приближается, в том числе и через меня. Но этого недостаточно, поскольку без свободы, которая прилепляется к исключительному Присутствию, действительно нет веры. Накануне тот мой друг из общины рассказал, что договорился встретиться на обеде с другим парнем по поводу места в студенческой квартире, но когда тот узнал, что мы из религиозного движения, он поднялся и ушел, оставив моего друга одного с бутербродом в руке. Необходимо полное любви признание и простота, позволяющие прилепиться к происходящему исключительному событию. Вопросы, возникшие у моего однокурсника при чтении лекции Дня начала года, в отношении со мной, на обеде с моим другом стали началом пути. Во время обеда он признался нам, что хочет стать христианином и проходит подготовку к крещению, но креститься хочет не сразу же, а в свое время, ведь ему еще многое нужно понять. Он занимал позицию подлинного вопрошания, поиска и в один прекрасный момент даже спросил нас, правда ли мы верим в том, что Иисус ходил по водам. Все его вопросы помогали ему в простоте смотреть на то, что было перед ним: на нас, на День начала года, на свидетельства, опубликованные в «Трачче». И с помощью всего этого он пытался сделать шаг на пути веры.

Два примера из твоего рассказа помогают нам понять, что свобода всегда играет важную роль, даже в наиболее прекрасные, очевидные моменты, как когда ваш друг из Африки был увлечен, когда кажется, что свобода почти ни при чем (там мы порой думаем). Реакция второго парня, который встает и уходит, как только понимает, что имеет дело с человеком из религиозного движения, тоже включает свободу. Для людей, позволяющих себя поразить, открывается путь. Встреча в настоящем пробудила в первом молодом человека желание стать христианином, он начал подготовку к крещению, но креститься хочет не сразу же, а в свое время, ведь ему еще многое нужно понять. И что же ему нужно понять? Что он хочет понять? Это более чем правильная потребность, учитывая его желание сделать такой важный шаг, как крещение. В этом суть последнего пункта школы общины («Факт в прошлом, факт в настоящем»). Человек не может пережить встречу и не попытаться дойти до ее истоков. Куда уходят корни встречи, случившейся в настоящем? Тот парень должен понять, именно поэтому он интересуется Иисусом. Какое отношение имеет Иисус к его встрече с тобой в университете? Если мы не совершаем шаг от факта в настоящем к факту в прошлом, вновь и вновь будет неминуемо возникать вопрос (и не у последних из пришедших, а у нас, собранных здесь): после всего нового, что мы видели в жизни, после всех красноречивых событий, о которых мы каждый раз рассказываем друг другу, мы все еще спрашиваем, почему нам нужно говорить: «Иисус». Это наш обычный вопрос! Иными словами, как связано то, что я переживаю в настоящем, с Иисусом, человеком, жившим две тысячи лет назад? Почему тот парень ощущает потребность креститься? Как видите, последний пункт очень важен, и если мы этого не осознаём, то продолжим задаваться приведенным вопросом. Встреча есть начало пути, который возвращает нас к истокам. Так Поликарп, встретив Иоанна, спросил себя, откуда рождается его инаковость, и неизбежно от встречи с Иоанном дошел до встречи с Иисусом. Все ровно так же сегодня и для нас, говорит Джуссани, и для того парня: он тоже пытается понять. Динамика христианского события имеет два направления, и нужно следовать в обоих, если мы хотим понять. Событие

прошлого вновь проявляется в настоящем во всей своей исключительности (такова природа христианского события, которое не осталось в прошлом двухтысячелетней давности, как говорилось в одном из выступлений). Объяснить должным образом событие в настоящем можно только через событие в прошлом, которое оно и выражает сейчас. С таким ключом к пониманию становится ясно, почему тому парню, чтобы подойти к крещению в полной мере осознанно, нужно начать понимать, что смысл жизни заключен в событии настоящего, со всей стоящей за ним историей. А исток этого события – в Иисусе, рожденном от Девы (Его рождение мы праздновали в Рождество), умершем, воскресшем и продолжающем присутствовать среди нас. Тогда его просьба о крещении не будет сумбурной и абстрактной, ведь он поймет: исключительное соответствие, которое он испытывает, возможно лишь потому, что Слово стало плотью. Потом у него будет вся жизнь, как она есть и у нас, чтобы понять то, о чем прекрасно и коротко говорится во фразе Лаврентия Пустынника: «Мне было сказано: „Все следует выслушивать безмолвно и обдумывать в молчании“. Я понял тогда, что, быть может, вся моя жизнь пройдет в размышлениях о том, что со мной случилось. И воспоминание о Тебе наполняет меня тишиной».

Следующая школа общины состоится 26 февраля. В этот месяц начнем читать вторую главу и разберем первые два пункта (С. 58–79). Постараемся не забыть обо всем, что мы сказали до сих пор, словно это не связано с истоком, поскольку вопрос именно в том, как исток, как изначальное событие продолжает пребывать в истории. Так мы поймем, почему, видя как это событие происходит в настоящем, мы говорим: «Иисус».

В этот период в Италии и за рубежом будут отслужены святые мессы в воспоминание тридцать восьмой годовщины признания Братства и пятнадцатой годовщины смерти отца Джуссани. Это выражение нашей благодарности, о которой мы слышали во многих выступлениях, ведь мы бы не осознали, что такое вера, без благодати, дарованной отцу Джуссани. Мне кажется, нам за многое стоит благодарить. Мы получили драгоценный дар. Обстоятельства нашей жизни, нередко драматичные, помогают нам все больше понимать ценность этой благодати.

Veni Sancte Spiritus.

Всем доброго вечера.